
В. П. АЛЕКСЕЕВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ ТУВЫ

История исследования палеоантропологии Тувы

Единственное средство накопления палеоантропологического материала — это планомерно проводимые археологические раскопки. Для территории Тувы начало планомерных археологических работ связано с деятельностью С. А. Теплоухова. На протяжении нескольких лет (1926—1929 гг.) С. А. Теплоухов проводил раскопки в центральных районах нынешней Тувинской автономной республики, охватившие разные группы памятников и давшие большой палеоантропологический материал. Однако преждевременная смерть помешала ему опубликовать результаты работы, и собранный им археологический материал вводится в научный оборот лишь в настоящее время¹.

Публикации черепов, собранных С. А. Теплоуховым, посвящена статья Г. Ф. Дебеца². Их хронологическое определение было произведено Г. П. Сосновским и С. В. Киселевым, выделившими в материалах С. А. Теплоухова два комплекса: первый, соответствующий времени появления железа на территории Алтае-Саянского нагорья, т. е. времени тагарской культуры Минусинской котловины, и второй, относящийся к поздней поре железного века. Сравнение двух групп черепов показало, что монголоидная примесь в антропологическом типе населения Тувы фиксируется уже в эпоху раннего железа, а ее удельный вес остается постоянным при переходе от ранней поры железного века к поздней. Следовательно, история антропологических типов Тувы характеризуется значительным своеобразием по сравнению с более северными областями Алтае-Саянского нагорья.

После работ С. А. Теплоухова в истории археологического исследования территории Тувинской автономной республики наступил длительный перерыв, а вместе с ним прекратилось и поступление палеоантропологического материала. Отдельные экспедиции разведывательного характера не могли восполнить этот пробел³. Планомерные раскопки разных в территориальном и хронологическом отношении памятников начаты лишь в последние годы С. И. Вайнштейном⁴ и Л. Р. Кызласо-

¹ Л. Р. Кызласов, Этапы древней истории Тувы, «Вестник МГУ», М., 1958, № 4.

² Г. Ф. Дебец, К палеоантропологии Тувы, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. X, М., 1950.

³ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Саяно-Алтайская экспедиция, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXVI, М., 1949; Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 24, М., 1952.

⁴ С. И. Вайнштейн, Археологические раскопки в Туве в 1953 г., «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории» (НИИЯЛИ), вып. II, Кызыл, 1954; его же, Памятники скифского времени в Западной Туве, там же, вып. III, Кызыл, 1955.

вым⁵. В результате этих работ значительно пополнилась серия черепов скифского времени⁶, а самое главное — в соответствии с современными требованиями к методам датировки Л. Р. Кызласовым были передатированы материалы С. А. Теплоухова, среди которых были выделены вещевые комплексы гунно-сарматского или, по терминологии Л. Р. Кызласова, шурмакского времени. Полная проработка материалов С. А. Теплоухова дала возможность внести значительное уточнение в датировку отдельных погребений и, следовательно, передатировать некоторую часть ранее опубликованных черепов.

Первой публикацией нового палеоантропологического материала была заметка автора настоящего сообщения о черепах скифского времени в местности Кызылган⁷. Смешанный характер серии подтвердил сделанное Г. Ф. Дебецом заключение о наличии монголоидной примеси в населении Тувы скифского времени. В соответствии с морфологическими особенностями монголоидных черепов наличие монголоидной примеси было поставлено в связь с возможностью проникновения в Туву представителей низкоколичного монголоидного типа. С другой стороны, европеоидное население рассматривалось как потомки населения эпохи бронзы, в отношении которого было сделано предположение о принадлежности его к европейскому расовому стволу.

Сопоставление выделенных в результате передатировки материалов С. А. Теплоухова черепов сарматского времени со скифской серией показало, это европеоидная примесь на территории Тувы в более позднее время не ослабевает, а усиливается⁸. Этот факт рассматривался как результат растворения пришлого монголоидного населения, проникшего в Туву в скифское время, в среде местного европеоидного. Однако указанная гипотеза была высказана в предварительной форме и, конечно, требовала дальнейшего подтверждения на более полном материале.

Ответ на этот вопрос был получен в результате исследования палеоантропологического материала, добытого раскопками С. И. Вайнштейна и Л. Р. Кызласова в 1955—1957 гг., и суммирования его с ранее опубликованными данными. Оказалось, что представление о большем удельном весе монголоидных компонентов в скифской серии по сравнению с сарматской проистекает за счет малочисленности серий и, по-видимому, не отражает реального соотношения монголоидных и европеоидных элементов в населении Тувы первых веков до и после н. э.⁹

Неясным также остается вопрос об удельном весе монголоидного и европеоидного компонентов в образовании антропологических особенностей населения эпохи позднего железа. Как уже было сказано, на материалах, имевшихся в его распоряжении, Г. Ф. Дебеч не имел возможности отметить усиления монголоидной примеси в это время по сравнению с предыдущей эпохой, что находилось в резком противоречии с изменчивостью расовых признаков в других областях Алтае-Саянского нагорья и как будто указывало на очень позднее оформление антропологического типа современных тувинцев¹⁰. Повторное исследование, осуществленное после передатировки части этих материалов и отнесе-

⁵ Л. Р. Кызласов, Этапы древней истории Тувы; его же, Средневековые города Тувы, «Сов. археология», 1959, № 3.

⁶ В периодизации Л. Р. Кызласова эта эпоха получила наименование уюкской.

⁷ В. П. Алексеев, Черепа из древних погребений на территории Тувы, «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. III, Кызыл, 1955.

⁸ В. П. Алексеев, Очерк палеоантропологии Тувинской автономной области, «Антропологический сборник» I, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXXIII, М., 1956.

⁹ В. П. Алексеев, Палеоантропологический материал скифского и сарматского времени с территории Тувы, «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. VII, Кызыл, 1959.

¹⁰ Г. Ф. Дебеч, К палеоантропологии Тувы.

ния их к сарматскому времени, не изменило выводов Г. Ф. Дебеца, хотя для их обоснования остается теперь лишь очень небольшое количество данных¹¹. Однако, поскольку в эпоху позднего железа наблюдается резкое повышение черепного указателя, т. е. появление особенности, сближающей средневековое население Тувы с современным, проблема генетической связи современных тувинцев со средневековым населением нуждается в дополнительном исследовании, которое основывалось бы на более полных данных по палеоантропологии тюркской эпохи.

Материал

Палеоантропологический материал с территории Тувы, как мы уже убедились, обсуждался неоднократно. Однако широкий размах археологических исследований, осуществляемых на территории Тувы в настоящее время, имеет своим результатом постоянный приток новых материалов, требующих публикации. Так, материал, собранный в 1957 г. археологическим отрядом Тувинской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, остался невключенным в сводные средние по сериям скифского и сарматского времени, опубликованные в 1959 г. На протяжении полевых сезонов 1958—1959 гг. двумя археологическими отрядами этой экспедиции, работавшими под руководством С. И. Вайнштейна и А. Д. Грача, были произведены обширные исследования в западной и центральной Туве, давшие многочисленный новый материал скифского, сарматского и тюркского времени. Кроме этого, значительная в количественном отношении серия черепов была добыта в 1958—1959 гг. Л. Р. Кызласовым в могильнике на р. Чааты Улуг-Хемского района, который, по его мнению, оставлен уйгурами. Рассмотрению всего нового материала, собранного в 1957—1959 гг., в совокупности со старыми данными посвящено настоящее сообщение. Суммарные средние по сериям скифского, сарматского и тюркского времени, а также по серии из уйгурского могильника представлены в таблице.

Динамика изменчивости расовых признаков во времени

Признаки рас первого порядка. Многочисленные исследования по палеоантропологии Сибири показали, что сложная история антропологических типов Сибири является результатом взаимодействия различных типов монголоидной и европеоидной больших рас¹². Таким образом, при оценке различий, обнаруживающихся между хронологически разновременными сериями с территории Тувы, основное значение имеет определение удельного веса монголоидного и европеоидного компонентов. Первоочередную роль в этой связи приобретает оценка признаков, дифференцирующих монголоидные и европеоидные группы, т. е. уплощенности лица в горизонтальной плоскости и степени выпячивания носа.

Наименьшую величину назомаллярного, или верхнего угла горизонтальной профилировки, в мужских группах имеют черепа сарматского времени. Черепа скифского времени отличаются от них по этому углу на ничтожно малую величину. Резкое увеличение величины назомаллярного угла, связанное с заметным усилением уплощенности лицевого скелета, мы имеем в серии тюркского времени. На черепках из могильника в бассейне речки Чааты горизонтальная профилировка лица в верхней части опять уменьшается почти до величин, характерных для серий скифского и сарматского времени.

¹¹ В. П. Алексеев. Очерк палеоантропологии Тувинской автономной области.

¹² См., например, М. Г. Левин, Древние переселения человека в Северной Азии по данным антропологии, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVI, М., 1951.

Средние размеры исследованных серий

Время	♂			♀				
	скифское	сарматское	тюркское	Уйгуры VIII—IX вв.	скифское	сарматское	тюркское	Уйгуры VIII—IX вв.
1 Продольный диаметр	185,0 (28)	186,3 (12)	183,3 (11)	177,5 (14)	177,8 (23)	175,5 (8)	175,7 (3)	170,6 (8)
8 Поперечный диаметр	144,5 (28)	144,2 (11)	147,7 (10)	149,6 (13)	140,1 (24)	140,4 (8)	145,0 (3)	144,5 (8)
8:1 Черепной указатель	78,1 (27)	77,4 (11)	81,9 (10)	83,7 (11)	78,9 (23)	80,0 (8)	82,5 (3)	83,0 (8)
17 Высотный диаметр	131,2 (19)	137,4 (8)	134,7 (12)	136,2 (9)	129,2 (21)	130,8 (8)	119,0 (3)	133,0 (4)
5 Длина основания черепа	104,0 (7)	104,0 (8)	104,0 (11)	102,8 (8)	97,0 (21)	97,1 (8)	95,7 (3)	99,2 (4)
9 Наименьшая ширина лба	96,7 (32)	96,2 (12)	95,0 (13)	96,3 (15)	93,7 (27)	91,2 (8)	91,7 (3)	93,0 (12)
32 Угол лба	81,8 (18)	79,7 (11)	82,6 (8)	81,8 (10)	84,3 (18)	86,0 (8)	81,0 (3)	78,0 (8)
40 Надбровье (1—6 по Мартину)	3,11 (36)	2,92 (13)	3,00 (14)	3,27 (15)	2,11 (28)	2,00 (8)	2,00 (3)	2,42 (12)
45 Длина основания лица	100,1 (14)	99,3 (7)	95,6 (8)	100,5 (8)	96,3 (18)	95,0 (8)	94,0 (2)	101,0 (4)
45 Скуловая ширина	136,6 (21)	140,3 (13)	139,0 (10)	138,5 (12)	130,0 (20)	128,4 (8)	131,7 (3)	133,2 (12)
48 Верхняя высота лица	72,0 (26)	77,2 (13)	72,8 (11)	72,9 (15)	68,0 (24)	71,9 (8)	69,0 (2)	71,5 (11)
51 Ширина орбиты (лев.)	42,2 (23)	42,2 (13)	43,1 (11)	42,0 (11)	41,2 (22)	40,4 (8)	42,0 (2)	42,3 (11)
52 Высота орбиты (лев.)	33,1 (25)	34,7 (13)	34,8 (12)	33,2 (13)	32,6 (22)	34,4 (8)	33,2 (3)	34,0 (11)
54 Ширина носа	25,1 (26)	25,8 (13)	25,5 (10)	26,1 (15)	25,0 (22)	23,7 (8)	24,5 (2)	25,7 (11)
55 Высота носа	52,0 (25)	56,2 (13)	53,8 (11)	53,3 (15)	49,5 (24)	51,1 (8)	50,5 (2)	51,8 (11)
Нижний край грушевидного отверстия (% антропических форм)	60,7 (28)	69,2 (13)	84,6 (13)	53,3 (15)	87,5 (24)	100,0 (8)	50,0 (2)	90,9 (11)
Глубина кляковой ямки (лев., в мм)	5,3 (21)	4,2 (12)	3,9 (11)	5,3 (13)	3,9 (20)	4,2 (8)	4,2 (2)	3,7 (11)
DC Дакриальная хорда	20,1 (24)	21,6 (11)	20,0 (9)	20,9 (11)	21,0 (19)	18,2 (8)	17,8 (2)	20,8 (11)
DS Дакриальная высота	11,5 (24)	11,5 (11)	11,0 (8)	12,5 (14)	10,2 (19)	10,0 (8)	7,8 (2)	10,2 (11)
DS:DC Дакриальный указатель	57,5 (24)	53,6 (11)	54,5 (8)	60,4 (11)	48,8 (19)	55,1 (8)	46,4 (2)	49,8 (11)
SC Симотическая хорда	8,2 (27)	8,4 (12)	7,3 (12)	8,9 (13)	8,1 (22)	7,5 (8)	4,6 (2)	8,7 (11)
SS Симотическая высота	4,0 (27)	4,3 (12)	3,9 (11)	4,2 (13)	3,3 (22)	3,5 (8)	1,5 (2)	3,4 (11)
SS:SC Симотический указатель	49,9 (27)	52,5 (12)	53,6 (11)	48,1 (13)	42,5 (22)	48,5 (8)	34,0 (2)	38,9 (11)
72 Угол профиля лица общий	84,8 (16)	86,7 (11)	87,9 (7)	86,4 (9)	84,1 (18)	86,0 (8)	86,5 (2)	86,7 (10)
75 (1) Угол носовых костей к линии профиля	25,9 (19)	25,5 (13)	26,8 (8)	23,9 (12)	22,1 (21)	25,4 (8)	17,0 (2)	22,3 (11)
77. Назомаллярный угол	142,8 (29)	142,3 (12)	146,3 (10)	143,3 (12)	145,7 (22)	146,1 (8)	143,7 (3)	142,5 (11)
Зигомаксиллярный угол	129,6 (17)	132,9 (13)	137,7 (10)	133,2 (12)	132,4 (18)	131,2 (8)	136,0 (1)	133,7 (11)

Аналогичным образом изменяется и величина зигомаксиллярного, или нижнего угла горизонтальной профилировки. Однако по величине этого угла черепа скифского и сарматского времени меняются местами — на скифских черепах величина угла меньше, чем на сарматских, и различие между ними проявляется заметнее, чем по назомаллярному углу.

Женские серии обнаруживают столь четкую динамику только по нижнему углу горизонтальной профилировки. Величины назомаллярного угла последовательно уменьшаются при переходе от скифской эпохи к последним векам I тысячелетия н. э. Уменьшение верхнего угла горизонтальной профилировки в тюркское время в данном случае, по-видимому, объясняется малым количеством наблюдений и случайным подбором нетипичных черепов. Численность женской группы заметно меньше численности мужской, и поэтому можно предполагать, что именно мужская серия отражает особенности, характерные для населения тюркского времени.

Суммарное рассмотрение по обоим полам признаков, характеризующих уплощенность лица, показывает, что различия в степени уплощенности между сериями скифского и сарматского времени невелики по абсолютной величине, неопределенны по направлению и, по-видимому, нереальны. В тюркское время удельный вес плосколицего компонента заметно увеличивается. Наконец, серия из уйгурского могильника отличается от тюркской серии более профилированным лицом и мало уступает в этом отношении сериям скифской и сарматской эпох. Таким образом, по степени уплощенности лицевого скелета черепа тюркского времени занимают особое положение среди находящихся в нашем распоряжении серий с территории Тувы.

Выступление носа по отношению к плоскости лица имеет значение не только само по себе, но и в сочетании с высотой переносья. Поэтому размеры, фиксирующие высоту переносья, дакриальные и симотические высоты и указатели играют не меньшую роль в оценке выступления носа, чем угол носовых костей к линии профиля.

Последний признак изменяется не очень отчетливо. Это тем более странно, что он связан высокой межгрупповой корреляцией с углами горизонтальной профилировки лица. Иными словами, в популяциях, характеризующихся плоским лицом, нос выступает слабо, и наоборот. Поскольку серия тюркского времени выделяется более плоским лицом, следовало бы ожидать, что она будет отличаться от серий скифского, сарматского и уйгурского времени и меньшим выступанием носовых костей. Действительно, два женских черепа тюркского времени имеют очень плоские носовые кости. Однако на восьми мужских черепах угол выступления носовых костей выше, чем во всех других сериях. Таким образом, на имеющемся материале по этому признаку не прослеживается четких различий между хронологически одновременными сериями.

Вариации размеров, отражающих высоту переносья, не очень велики по абсолютной величине, но гораздо более определены. Величины дакриальной высоты совпадают в мужских сериях скифской и сарматской эпох. Этот размер понижается на черепах тюркского времени и достигает максимума в уйгурской серии. Аналогичным образом изменяется дакриальная высота при переходе от эпохи к эпохе и в женской группе. Вариации симотической высоты обнаруживают ту же закономерность распределения. Отличие от распределения дакриальной высоты состоит лишь в том, что здесь максимум величины признака падает на черепа сарматского времени.

Относительная высота переносья, выражаемая указателями, варьирует довольно неопределенно. Так, среди мужских групп минимальную величину дакриального указателя имеет серия сарматского вре-

мени, тогда как среди женских групп она характеризуется наибольшей величиной этого признака. Групповые колебания симотического указателя также не обнаруживают определенной направленности.

Суммарное рассмотрение признаков, характеризующих выступание носа и высоту переносья, показывает, что по высоте переносья мужская и женская серии тюркского времени занимают крайнее место в направлении приближения к монголоидным группам. Таким образом, по высоте переносья, так же как и по углам горизонтальной профилировки лица, черепа тюркского времени сближаются с черепами сибирских монголоидов в значительно большей степени, чем черепа из погребений других эпох на территории Тувы. Это обстоятельство говорит об усилении роли монголоидного компонента в образовании антропологических особенностей населения тюркского времени. До сих пор невозможно было отметить этот факт просто из-за недостаточного количества материала, находившегося в нашем распоряжении.

Признаки рас второго порядка. Отнесение любой палеоантропологической серии к тому или иному расовому типу второго порядка всегда является в достаточной мере условным. Это объясняется как изменчивостью типов во времени, так и большими лакунами в имеющихся данных. Все же в отдельных случаях определение места ископаемой серии в пределах типов второго порядка, или малых рас, может считаться достаточно убедительным, и в этом случае оно помогает понять генетические связи оставившего ее населения.

Из признаков, характеризующих отличительные особенности малых рас, наибольшее значение имеют размеры черепной коробки и лицевого скелета и их соотношения, особенно черепной указатель. Поэтому в дальнейшем изложении мы и уделим этим признакам особое внимание.

Горизонтальные диаметры черепной коробки обнаруживают относительно четкую закономерность в изменении их от эпохи к эпохе. Продольный диаметр в общем уменьшается при переходе от ранних серий к поздним как в мужской, так и в женской группе, поперечный диаметр увеличивается. Конечно, выраженность этой закономерности, как и всегда в таких случаях, относительна. Так, мужские черепа сарматского времени имеют несколько более длинную черепную коробку, чем скифские, женские черепа тюркской эпохи тем же отличаются от сарматских. Однако различия ничтожны по абсолютной величине и не меняют общей картины, так же как и ничтожные различия между мужскими сериями скифского и сарматского времени по поперечному диаметру. Более демонстративны различия по поперечному диаметру между тюркской и уйгурской женскими сериями, но и они не повторяются на мужских черепах. Налицо, следовательно, определенная тенденция к уменьшению продольного и увеличению поперечного диаметров в поздние эпохи по сравнению с ранними.

В соответствии с этим изменение черепного указателя также дает ясную картину нарастания по мере приближения к современной эпохе. Единственное нарушение этого правила — уменьшение величины черепного указателя в мужской серии сарматского времени по сравнению со скифским. Однако различия по этому признаку между населением указанных эпох вообще не проявляются на имеющемся материале, так как масштаб различий между женскими сериями ничтожен, хотя сама изменчивость признака имеет обычное направление. С другой стороны, отличия тюркских и уйгурских черепов от более ранних вполне реальны.

Высотный диаметр черепной коробки в общем характеризуется неопределенными колебаниями. Обращает на себя внимание исключительно малая величина этого размера на трех женских черепах тюркской эпохи, но она не может считаться представительной из-за малого числа черепов. Гораздо более значительны по абсолютной величине одинаковые по направлению в мужской и женской группах и поэтому,

несомненно реальные, различия между черепами скифского и сарматского времени. Они привлекли внимание еще в публикации 1959 г.¹³, но тогда оставалось сомнение в их реальности, основанное на недостаточности данных. С тех пор материал количественно возрос, а различия остались прежними. Несомненно, что они отражают реальную разницу между населением перечисленных хронологических этапов по этому признаку.

Ширина лица в скулах также варьирует не очень отчетливо. Правда, бросается в глаза резкое увеличение ее в мужской серии сарматского времени. Однако при суммировании наблюдений по обоим полам разница уменьшается. Среднее превышение величины скулового диаметра в мужских группах над его величиной на женских черепах составляет приблизительно 10 мм. Прибавив 10 мм к показателю скуловой ширины в женской серии скифского времени, мы получим 140 мм, а взвешенная серия по обоим полам будет тогда равна 138,3 мм. Аналогичное вычисление дает для объединенной серии сарматского времени 139,6 мм. Таким образом, реальная разница между черепами скифской и сарматской эпох, если и имеется, то оказывается значительно меньшей, чем это могло бы показаться при сравнении только мужских групп. Что же касается черепов из тюркских и уйгурских могильников, то они характеризуются большими величинами ширины лица, не обнаруживая существенных различий как между собой, так и с сериями предшествующего времени.

По высоте лица черепа из могильников сарматского времени также занимают крайнее место. Величина этого признака на мужских черепах сравнивается с показателями, характерными для современных сибирских монголоидов. Таким образом, по высоте лица серия сарматской эпохи отличается от других серий с территории Тувы в еще большей степени, чем по его ширине. Как скифские, так и тюркские и уйгурские черепа не обнаруживают специфических отклонений в высоте лица при сравнении между собой. Во всех трех сериях высота лица попадает в категорию средних величин этого признака.

Смена типов. Предыдущий обзор материала по признакам показывает, что различия между хронологически разновременными сериями идут в разных направлениях и, следовательно, не являются только результатом изменчивости самих признаков во времени. Слабая морфологическая связь между большинством рассмотренных признаков позволяет рассматривать их изменение как следствие притока нового населения, принадлежавшего к разным антропологическим типам. К сожалению, место последних в систематике не всегда ясно, что затрудняет решение вопроса о направлении переселения.

Удельный вес монголоидной примеси в скифское время на территории Тувы приблизительно соответствует ее удельному весу в составе ряда современных народов Поволжья — мари, мордвы и чувашей¹⁴. Это обстоятельство не означает, конечно, что она в обоих случаях имеет тождественное происхождение. Ее происхождение в составе скифского населения Тувы может быть выявлено при типологическом рассмотрении имеющихся черепов, поскольку их число недостаточно для внутригруппового статистического анализа. Ряд черепов обнаруживает отчетливо выраженную комбинацию монголоидных особенностей в сочетании с большими размерами лицевого скелета и круглой, низкой черепной коробкой. По-видимому, в данном случае мы имеем в них свидетель-

¹³ В. П. Алексеев, Палеоантропологический материал скифского и сарматского времени с территории Тувы.

¹⁴ М. С. Акимова, Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIII, М., 1955, е е же, Краниология современного населения Мордовской и Марийской АССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIX, М., 1958.

ство центральноазиатского происхождения монголоидного компонента.

С другой стороны, выделяется и другой монголоидный вариант, характеризующийся небольшими размерами лица. Весьма возможно, что такая комбинация признаков образовалась просто в результате смешения и не имеет реального генетического значения. Однако, если ее реальность подтвердится в ходе дальнейшего накопления материала, можно будет поставить вопрос о связи населения Тувы в рассматриваемую эпоху с представителями низкого монголоидного типа, получившего в специальной антропологической литературе наименование «катангского»¹⁵, и, следовательно, о наличии северного, «таежного» этнического пласта, сыгравшего, по-видимому, не меньшую роль, чем этнические связи с центральноазиатскими народами. Во всяком случае уже сейчас этот вопрос требует рассмотрения на имеющихся археологических материалах.

Что касается проблемы происхождения европеоидного населения, для ее решения в настоящее время не больше данных, чем их было в 1955 г. Тогда было высказано предположение о том, что европеоидный компонент восходит к населению Тувы эпохи бронзы¹⁶. За истекшее время не появилось каких-либо фактов, заставляющих отказаться от этого предположения.

В сарматское время не происходит изменения в соотношении монголоидного и европеоидного населения. Тем не менее физический тип населения изменяется в сравнении с предшествующей эпохой. Как уже было отмечено, реальные различия проявляются в размерах лица, особенно в его высоте и высоте черепной коробки. Большие размеры высоты лица и черепной коробки характерны для типов дальневосточной монголоидной расы. Однако одновременно с этим для них характерна также резкая выраженность монголоидных признаков. Таким образом, приток представителей дальневосточной монголоидной расы имел бы своим результатом не только увеличение высоты лица и черепа, но и усиление монголоидной примеси, чего на самом деле нет. Предположение о миграции населения, принадлежавшего к одному из вариантов дальневосточной расы, не объясняет, следовательно, имеющихся сдвигов в антропологических особенностях населения сарматского времени по сравнению со скифским.

Среди типов европеоидной расы нет ни одного, который характеризовался бы такой высотой лица при высокой черепной коробке. Исключение составляют отдельные серии эпохи бронзы с территории Средней Азии, в частности, Туркмении¹⁷. Встречается этот тип на территории Средней Азии и в более позднее время. Речь идет о черепках из Куня-Уза и Канга-Калы, добытых Хорезмской археолого-этнографической экспедицией и датированных первыми веками н. э.¹⁸ Они характеризуются некоторым сдвигом в направлении приближения к монголоидным сериям. Может быть, в сарматское время на территории Тувы появляются пришельцы из этих далеких областей? Однако следует иметь в виду, что высота лица на черепках из погребений эпохи бронзы Туркмении все-таки ниже, чем в серии сарматской эпохи с территории Тувы.

¹⁵ См. Г. Ф. Дебеч, Древний череп из Якутии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXV, М., 1956. Рассмотрение всех относящихся к катангскому типу материалов, так же как и вопроса о границах его распространения, см. в кн.: М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXXVI, М., 1958.

¹⁶ В. П. Алексеев, Черепа из древних погребений на территории Тувы.

¹⁷ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Черепа эпохи неолита и бронзы из южной Туркмении, «Сов. этнография», 1959, № 1.

¹⁸ Т. А. Трофимова, Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1958; ее же, Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, 1959.

В тюркское время, как уже было отмечено выше, заметным образом проявляется увеличение удельного веса монголоидного компонента. Однако малочисленность материала мешает решить вопрос о его происхождении, так же как и вопрос о происхождении европеоидной примеси в тюркской серии. Умозрительно можно предполагать, что последняя восходит к населению предшествующей эпохи. Что же касается происхождения монголоидного компонента, то следовало бы ожидать, что оно связано с усиленным проникновением в Туву представителей центральноазиатского типа монголоидной расы. Действительно, среди черепов из тюркских погребений есть несколько, отличающихся особенностями, характерными для этого типа. Тем не менее, серия в целом не обнаруживает сдвигов в направлении приближения к центральноазиатскому типу — увеличения размеров лица, резкой брахикрании. Во всяком случае у черепов из погребений тюркского времени на Алтае и в Минусинской котловине размеры лица определенно больше, чем в рассматриваемой серии. По-видимому, антропологический состав населения Тувы в эпоху тюркского каганата был очень сложен, и находящийся в нашем распоряжении материал ни в коей мере не отражает имевшего места многообразия.

Антропологическая диагностика черепов из уйгурского могильника на речке Чааты не встречает затруднений. При общем европеоидном типе этих черепов некоторая уплощенность лица и сравнительно малое выступание носа говорят о наличии монголоидной примеси. Этот факт, а также круглая форма черепной коробки и относительно крупные размеры лица сближают их с краниологическими вариантами, которые получили в антропологической литературе название «памиро-ферганской расы», или «расы среднеазиатского междуречья». Современными представителями этой расы являются узбеки и таджики, в древние эпохи она была широко распространена на территории Средней Азии и Восточного Туркестана¹⁹. Таким образом, могильник в долине речки Чааты оставлен пришлым населением, связанным своим происхождением с указанными территориями. Контакт между населением Тувы и Средней Азии начался, следовательно, не в XII в. н. э., как можно было судить по материалу из могильника Саадак-Терек, а на три века раньше.

Выводы

1. Население Тувы в скифское время характеризовалось резкой смешанностью и промежуточным положением по отношению к монголоидной и европеоидной большим расам. Наличие в серии скифского времени морфологически противоположных вариантов говорит о том, что смешение между представителями монголоидного и европеоидного расовых стволов не носило характера биологического взаимодействия и что тип населения этого времени не был достаточно однородным.

2. Доля участия представителей монголоидной расы в формировании населения Тувы сарматского времени остается, по-видимому, неизменной по сравнению с предшествующей эпохой. Однако резкое увеличение размеров лица и высоты черепной коробки, по-видимому, свидетельствует о притоке какой-то новой группы. Происхождение ее пока остается неясным. Во всяком случае это не могли быть представители северокитайского типа, на что как будто указывает динамика перечисленных признаков. В этом случае мы имели бы усиление монголоидных особенностей в серии сарматского времени по сравнению со скифской, чего на самом деле не обнаруживаем.

¹⁹ См. Л. В. Ошанин, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 1, Ереван, 1957.

3. Удельный вес монголоидной примеси в населении Тувы в эпоху тюркского каганата заметно возрастает. Невозможность фиксировать это явление в предшествующих работах объяснялась как малым количеством материала, так и его неотчетливой датировкой, благодаря чему ряд черепов более ранних эпох был отнесен к тюркскому времени.

4. Черепа из могильника, расположенного на р. Чааты, который, по мнению Л. Р. Кызласова, оставлен уйгурами, обнаруживают особенности брахикранного европеоидного типа, характеризующегося наличием небольшой монголоидной примеси. В наибольшей степени он сходен с типом среднеазиатского междуречья.

SUMMARY

The article deals with the paleoanthropological material collected on the territory of the Tuva Autonomous Republic in 1957-59, which is compared with the previously obtained material, collected during the excavations of S. A. Teploukhov in 1926—29.

In Scythian times, the population of Tuva had a markedly mixed character and held an intermediate place vis-à-vis the Mongoloid and Europeoid races. The intercrossing between the representatives of these two races was not in the nature of biological interaction; the population type in this period was not sufficiently homogeneous. In Sarmatian times, a new population group made its appearance, the origin of which is still unclear. This resulted in a pronounced growth of the size of the face and the cranium. The proportion of the Mongoloid admixture in the population of Tuva registered a noticeable rise in the period of the Turk Caganate. The skulls from the Uigur burial place display an affinity with the type from the Central Asian inter-river area.
